

ИВАН ЕЛАГИН

Ты, мое столетие!

СТИХИ

Мюнхен — 1948 г.

ИВАН ЕЛАГИН

Ты, мое столетие!

СТИХИ

Мюнхен — 1948 г.

ПОЭЗИЯ МУЖЕСТВА

Первый сборник стихов Ивана Елагина — «По дороге оттуда» получил хорошие отзывы во всей местной зарубежной прессе. Лишь немногие, отдавая должное форме, находят содержание слишком мрачным и требуют от поэта «плясовую». Нам кажется, что эти немногие или воспитаны на поэзии социального заказа или желают использовать искусство в своих узких политических интересах. Им хочется лжи, притворства, словесного тумана, скрывающего общий аморализм. Мужественная обличительная поэзия Ивана Елагина смущает их. Ее глубокая любовь к человеку и к христианской правде стыдит и обязывает идти на подвиг.

Второй сборник стихов Ивана Елагина — «Ты, мое столетье», как и первое, так же об-

личителен и гневен. Высокое поэтическое слово в нем гремит набатом. Оно обращено к совести мира предметной реальностью и обнаженными фактами. Поэт с отчаянием кричит: «Остановитесь! Тупик! Посмотрите на мир! Мы должны завидовать жуткой смерти на эшафоте. Обреченные, но сохраненные в человеческом достоинстве, на эшафот поднимались по ступенькам, а мы? «Мы те, кто умирать спускается в подвал...» как рабы, как скот.

В наши дни обличительное слово не в моде. Оскудел мир совестью. Полвека тому назад, например, дело Бейлиса или ленские расстрелы охватывали гневом весь мир. Пресса открывала кампании, общества выносили протесты, в парламентах делались запросы, в министерствах представления, на улицах возникали стихийные демонстрации, в храмах совершались молебны или панихиды, говорились проповеди, представителям жестокой или несправедливой власти объявлялись бойкоты.

Увы, в наши дни о замученных миллионах говорят с меньшим волнением, чем о потерянных рублях. «Показательные процессы» с поддельным обвинением нас не трогают. Нас не волнуют перчатки и сумочки из человеческой кожи. Мы спокойны и молчаливы,

когда поработаются целые государства, когда насилуют, грабят и угрожают уничтожить 90% населения земли.

В дипломатических кругах жмут палачам руки, помогают им в охоте за черепами и даже пьют тосты, провозглашенные в «честь» истребления полмиллиона побежденных. Таков нынче мир.

Потому-то слово поэта Ивана Елагина, слово бичующее и отрезвляющее, необходимо и ценно.

Р. Менский

Тупик. И выход ни один
Из тупика еще не найден.
И так от детства до седин,
От первых до последних садин.

Бомбы истошный крик —
Аэродром в щебень!
Подъемного крана клык
На привокзальном небе —
Ты, мое столетие!

Поле в рубцах дорог:
Танки прошли по полю.
Запертое в острог,
Рвущееся на волю —

Ты, мое столетие!

Ищущее конец,
Бьющееся в падучей,
Мученический венец
Проволоки колючей —

Ты, мое столетие!

Кручу за пядью пядь
Брали. И вот со склона
Ринувшееся вспять,
Все растеряв знамена,

Ты, мое столетие!

Брошенное на штык,
Дважды от крови ржавый,
Загнанное в тупик
Дьяволовой облавой —

Ты, мое столетие!

Царственные века
Были твоим подножеством.
Продано с молотка,
Выжжено гневом Божиим —

Ты, мое столетие!

Кости с тобою сложим!

Плоть от плоти твои,
Шиты твоим покроем.
Бурей своей пои!
Кровью своей напоим!

Верности клятву прими,
Ты — мое столетие!

Над ветлами, над ульями,
Над липами, над пчелами,
Гудело утро пулями,
Свинцовыми, тяжелыми,

Трещало автоматами,
Глушило минометами,
Кто прятался за хатами,
Кто жался под воротами,

А мертвые, кто во поле,
Кто брошены на отмели...
Прохвастали, прохлопали,
Чуть полстраны не отдали!

Родимые, да что ж это?
Никак земляца наша-то!
Вся жизнь на вобле прожита,
А пушек-то не нажито!

Была ж Россия мамонтом,
А не прошло полвеку-то —
Сожгли тебя! От сраму-то
Тебе деваться некуда!

Обрадовались, грабили,
А непокорны ежели,
Мужик ли это, баба ли
На перекрестках вешали!

Как у своих-то перчено,
А у чужих-то солоно!
Как из огня теперича
Попали мы да в полымя!

Из-под кнута-то отчего,
Да под дубину отчима!
Тот Соловками потчевал,
А этот смертью потчует!

Коль две скрестились гибели,
Какое същещь снадобье?
Одну мы гибель выбрали,
Коль выбирать уж надобно!

Пока не заткнули кляпом
Клокочущий рот, пока
Не выгнали в ночь этапом
Под окрики с броневика,

— Загнаны в загоны.

А все-таки живем! —

Пока, как в огонь, в вагоны
Не побросали живьем,

Пока не сбиты кучей
За проволокой колючей
И сыновья и дочери
Под пулеметные очереди —

Пока еще есть выход,
Выход и тьма выгод:
Стеклышком обыкновенным,
(Только острее выточь!),
Раз полоснешь по венам —
И никаких выдач!

Лучше массой аморфной!
Назад отступить — куда ж?

Пока еще есть морфий,
Веревка, шестой этаж —

Пока еще не на слом,
Дышим еще покамест —
Гневу псалом!
Ненависти акафист!

ЗВЕЗДЫ

Моему отцу.

Колыхались звездные кочевья.
Мы не засыпали у костра.
Шумные тяжелые деревья
Говорили с нами до утра.
Мне в ту ночь поэт седой и нищий
Небо распахнул над головой.
Точно сразу кто-то выбил днище
Топором из бочки вековой!
И в дыру обваливался космос,
Грузно опускался млечный мост,
На смерть перепуганные сосны
Заблудились в сутолоке звезд.

— Вот они! Запомни их навеки!
То Господь бросает якоря!
Слушай, как рыдающие реки
Падают в зеленые моря!
Чтоб земные горести, как выпи,
Не кричали над твоей душой,
Эту вечность, льющуюся выпей
Из ковша Медведицы Большой!
Как бы ты ни маялся, и где бы
Ни был — ты у Бога на пиру...
Ангелы завидовали с неба
Нашему косматому костру.

За окном — круги фонарной ряби.
Браунинг направленный у лба.
На каком-то чертовом ухабе
Своротила в сторону судьба.
Рукописи, брошенные на пол. —
Каждый листик — сердца черепок.
Письмена тибетские заляпал
Часового каменный сапог.
Как попало комнату забили,
Вышли. Ночь была уже седа.
В старом грузовом автомобиле
Увезли куда-то навсегда.

Ждем еще, но все нервнее курим,
 Реже спим, и радуемся злей.
 Это — город тополей и тюрем,
 Это — город слез и тополей.
 Ночь. За папиросой папироса,
 Пепельница дыбится, как еж.
 Может быть, с последнего допроса
 Под стеной последнюю встаешь?
 Или спишь, а поезд топчет версты,
 И тебя уносит в темноту...
 Помнишь звезды? Мне уже и к звездам
 Голову поднять не вмоготу.

Хлынь, война! Швырни под зубья
танку,
 Жерла орудийные тарашь!
 Истаскало время наизнанку
 Вечности принадлежащий плащ!
 Этот поезд, крадущийся вором,
 Эти подползающие пни...
 Он скулил, как пес под семафором,
 Он боялся зажигать огни.
 Чащами и насыпями заперт,
 Выбелен панической луной,
 Он тянулся медленно на запад,
 Как к постели тянется больной.

В небе смерть. И след ее запутан.
И хлеща по небу на ура,
Взвили за шпицрутеном шпицрутен
С четырех сторон прожектора!
За свободу вырванную ратуй!
Смерть уже свистит над головой!
Смерть уже от лопасти крылатой
Падает на землю по кривой.
... Полночь, навалившаяся с тыла,
Не застала в небе и следа.
Впереди величественно стыла
К рельсам примерзавшая звезда.

Мы живем, зажатые стенами
В черные берлинские дворы.
Вечерами дьяволы над нами
Выбивают пыльные ковры.
Чей-то вздох из глубины подвала:
— Господи, услышим ли отбой?!
Как тогда мне их недоставало,
Этих звезд, завещанных тобой!
Сколько раз я звал тебя на помощь, —
Подойди, согрей своим плечом.
Может быть, меня уже не помнишь?
Мертвые не помнят ни о чем.

Ну, а звезды. Наши звезды помнишь?
Нас от звезд загнали в погреб.
Нас судьба ударила наотмашь,
Нас с тобою сбила с ног судьба!
Наше небо стало небом черным,
Наше небо разорвал снаряд.
Наши звезды выдернуты с корнем,
Наши звезды больше не горят.
В наше небо били из орудий,
Наше небо гаснет, покорясь,
В наше небо выплеснули люди
Мира металлическую грязь!
Нас со всех сторон обдало дымом,
Дымом погибающих планет.
И глаза мы к небу не подыдем,
Потому, что знаем: неба нет.

Спят на фасаде даты.
Перед фасадом щебень.
Жил в этом доме когда-то
Гофман фон-Фаллерслебен.

Тесная деревушка.
Вывески крыты ржою.
Снова судьба—кукушка
Ткнула в гнездо чужое.

„Deutschland über alles“
Кто-то вписал любовно,
Там, где в кирпич вплетались
Выкрашенные бревна.

.

Стремителен и придушен,
По улицам и полям,
От комнат и до конюшен
Метался панцер-аларм.

Казалось, обвисли нервы,
А он еще истязал!
Встал на дороге первый
Бронированный ихтиозавр.

Горячий, отяжелелый,
Он грузно пополз по песку,
Сверкая звездою белой
На обожженном боку.

И мы, на него глаза,
Стояли ошеломлены
В этом страшном музее
Окончившейся войны.

Когда он пропал за сараем,
Ты, обратясь ко мне,
Сказала: «Давай, погадаем
По надписи на броне!»

И как бы в ответ он прямо
Вырос из под земли.
И мы прочли «Алабама»,
И в сторону отошли.

От океанских закатов,
До садика за углом
Он небо далеких штатов
Пронес над своим жерлом.

.
.
Так же тускнеют даты.
Верно, убрали щебень.
Жил в том доме когда-то
Гофман фон-Фаллерслебен.

А мы уже в сотом доме —
Маемся кое-как.
Нет для нас дома, — кроме
Тебя, дощатый барак!

В какую трущобу канем?
Кто приберет к рукам?
Скоро ль конец гаданьям
По танкам и по штыкам?

И чорт ли нам в Алабаме?
Что нам чужая трава?
Мы и в могильной яме
Мертвыми, злыми губами
Произнесем: «Москва».

Кто нам солгал, что умерла война?
Кто опознал ее среди усопших?
Еще по миру тащится она
И рядом с ней ее хромой сообщник.

Она идет за нами по пятам
И валит нам на головы руины,
И к пароходным тянутся бортам
Блуждающие в океанах мины.

Она лежит на дне сырого рва
В гранате, как в заржавленном кон-
верте.

Не верьте ей! Она еще жива,
Жива еще, беременная смертью!

Украденную юность доканав,
Она и правду на земле задула.
Еще столетье будут из канав
Глядеть на нас зевающие дула!

О сколько раз еще из-за угла
Нас оглушат по черепу и ребрам,
Чтоб эти двое, глядя на тела,
Обменивались хохотом недобрым!

Строили да рухнуло,
Разлетелось в пух!
Бомбами из Мюнхена
Вышибали дух.

Славился музеями,
Впутался в бои!
Пулями осмѣяны
Статуи твои.

Заново не выстроим,
Миру не вернем
Скошенное выстрелом,
Смятое огнем.

Памятник и госпиталь,
Церковь и приют.
И поныне к Господу
Камни вопиют.

И на небе вызаря
Ржавчину крестов,
Весь летишь ты к Изару
Броситься с мостов.

Я проходил по улицам чужим.
Из подворотен выплывала сырость.
И вот, как вечность неопровержим,
Крутой собор передо мною вырос.

Он говорил: ты наглухо прибит
К тяжелому, заплаканному миру.
Сойди на миг с твоих земных орбит,
Пльви со мной по звездному пунктиру!

Он делался все выше и острее,
Он в небесах искал себе упора,
И я сгорал на каменном костре
В средневековом пламени собора.

А рядом содрогалась от стрельбы
Моей земли последняя дорога.
Мне в эту ночь клялись в садах дубы,
Что близок день, что мы увидим Бога.

Родина! Мы виделись так мало,
И расстались. Ветер был широк,
И дорогу песня обнимала,
Верная союзница дорог.

Разве можно в землю не влюбиться,
В уходящую из-под колес?
Даже ивы, как самоубийцы,
С насыпей бросались под откос!

Долго так не выпускали ивы, —
Подставляя под колеса плоть.
Мы вернемся, если будем живы,
Если к дому приведет Господь.

От полустанка до полустанка,
То водокачка, то вагонетка,
Полка, бутылка, консервная банка,
Поле, да поле, да изредка ветка!

От разлуки до разлуки,
От судьбы и до судьбы,
Взяли душу на поруки
Телеграфные столбы!

Телеграфные столбы —
Соглядатаи судьбы!

Ветер бреющим полетом
Бьет по спинам поездов,
И поет, поет по нотам,
Бесконечных проводов!

Пой на тысячу ладов,
Ветер нищих! Ветер вдов!

По стенам комнатушки разбросаны
Наших кленов последние письма.
Это все, что осталось от осени,
Это все, чем к зиме запаслись мы.

С той поры, как с тобой мы подхвачены
Этим роем, по миру носимым —
Мы привыкли готовиться начерно
И к разлукам, и к бедам, и к зимам.

Что с того, что мы делаем промахи?
Вся-то жизнь, что ни день — то и промах.
Где-то в мире раскиданы холмики
И родных, и друзей, и знакомых.

За какими озерами синими,
Под каким неисхоженным кряжем,
Под какими крестами без имени
На разлуку последнюю ляжем?

Слушай, Господи! Жизнь уже порвана.
Одари хоть когда-нибудь щедро.
Раздели между нами Ты поровну
Эти два с половиною метра!

Снова Муза моя взаперти.
А просил я ее о немногом.
Хоть подкову на счастье найти
И прибить у себя над порогом.

На деревьях плоды вороша,
Наливается соками август.
И, как плод, тяжелеет душа
И молчанье становится в тягость.

Эту плотную ночь расколоть
Может только певучее слово.
На земле человеку Господь
Утешения не дал иного.

Вячеславу Завалишину

Уже закаты прикипают к кленам.
Уже дрожит святая гладь чернил.
И сердца предосенние знамена
Необоримый ветер накренил.

И сердце снова выдумками бредит
Но день пройдет, как проходили все,
И тот же самый грузовик проедет
По асфальтированному шоссе...

Оставлю дом. Стучаться буду в сотни
Чужих дверей, но дома не найду.
И где-то в самой грязной подворотне
Мне суждено споткнуться о звезду.

Мой скудный мир! Он обернется щедрым,
И станет на мгновение видна
Береза, захлебнувшаяся ветром,
Возникшая из черного вина.

И в память мне листвой она ворвется,
И детством, и оконцем, и крыльцом,

И крышей, и бревенчатым колодцем,
И матери исплаканным лицом.

И прошумит родительским порогом:
— Мой бедный сын! Тебя зовут сады.
Мой бедный сын, идущий по дорогам,
Оставленный на произвол звезды!

Еле виднеется
Большая Медведица.
Сутулятся у крыльца
Хрустальные деревца.
На улице гололедица.

Не страшен эшафот, Позорный столб не
страшен,

Ни гибель на костре, ни смерть на колесе,
Когда колокола оповещают с башен,
Когда на площади тебя увидят все.

Пусть кони хмурые волочат к месту казни,
И стража по бокам, и взведены курки.
Подскакивай, фургон, и в колее завязни!
Смыкайтесь, улицы, в сплошные тупики!

Еще милей дома. Заря еще огромней,
Все подоконники наводнены людьми.
Ты, липа встречная, приветствуй и запомни.
Во славу смертника, столетняя, шуми.

Твой дьявольский кортеж, твой сумасшед-
ший выезд

С помоста брошенное зрителям *bon mot* —
На этих зданиях, на этих лицах выест
Неизгладимое и гневное клеймо.

Что ты не оценил, — мы за тебя оценим.
Теперь любой из нас легко бы жизнь отдал,
Чтоб умереть, как ты, — поднявшись по ступе-
пеньям.

.....
Мы — те, кто умирать спускается в подвал.

ЛУНЫ

I

Луна огибает барак.
Какого-то сна отголосок
Донесся из груды коряг,
Из черного штабеля досок.

То ночь занялась грабежом,
И я уже вижу и слышу,
Как длинным зеленым ножом
Луна перерезала крышу.

Ты вынырнешь из-за угла,
И грязь этих улочек выдашь.
Куда тебя ночь завела?
Ты плачешь, небесный подкидыш?

Ты тянешь алмаз по стеклу,
И близишься все вороватей,
И чертишь на голом полу
Тоску двухэтажных кроватей.

Ну что, разглядела вблизи?
Теперь убирайся за сосны!
Оттуда сквози. Погрузи
Навеки в раствор купоросный.

Как хочешь, меня озирай.
Но только, ты слышишь, не сетуй!
Мне домом не этот сарай,
И ночью дышу я не этой.

II

Не надо их. Оставь. Они жестоки.
В иные дни перо переноси.
Переночуем во Владивостоке,
В одном из дивных тупиков Руси.

Представим так: Абрекская. Пригород.
Сметает ветр осеннюю труху.
Ах, почему так мил мне и так дорог
Домишко, выстроенный наверху?

В нем каждый камень выложен был
дедом.

Он с давних пор принадлежал отцу.
Открытый настежь всем ветрам и бедам,
И нищете, как верному жильцу.

Что помню я? Те впечатленья давни, —
И все, что память наскрести могла,
Так это шум от падающей ставни
И вдребезги разбитого стекла.

Да вот еще отчетливы доселе
Стихами испещренные шелка.
Как будто-бы вчера они висели,
Причудливо стекая с потолка.

Воспоминая пятнами из глуби:
То пропадут, то вымелькнут еще.
А вот отец в заиндевелой шубе
С огромной елкою через плечо.

Но незачем насиловать нам память,
И разбивать о достоверность лоб.
И время нам дано переупрямить,
Вообразив, как течь оно могло б.

Оно текло вразвалку, по-цыгански,
Не ведая, где приклонить главу.
Однажды месяц тихоокеанский
Со мной ушел на дальнюю Неву.

III

Мне девять лет. Я только что с перрона.
Я в первый раз на даче под Москвой.
Взлетевшая на каланчу ворона
Мне кажется огромною совой.

И месяц левитановский над стогом
Так робок, что не движется почти.
Он сам не знает, по каким дорогам
Ему придется в эту ночь итти.

— Ты видишь тракт? По нем когда-то
с юга

Татары приходили на Москву.
Я слушаю, и жмурюсь от испуга,
К отцовскому прижавшись рукаву.

Я помню ночь. Так каждый мальчик
помнит
Свой первый сон под новым потолком.
Всю эту крышу с полутьмою комнат
Сад облегал густым воротником.

Там света не было. И в щели дуло.
Всю ночь поскрипывал дверной запор.
Отец, ложась, к высокой спинке стула
На всякий случай прислонил топор.

Я все не спал. Все слышал крик татар-
ский.

Там шла орда, повозки волоча.
А месяц плащ брильянтовый по-царски
Дарил земле со своего плеча.

IV

Как пристань, отдалена!
Куда нас ветер забросил?
Расплавленная луна
По капле стекает с весел.

То — через волны — вперед.
То — между волн — в коридоре.
Это вразвалку идет
Широкоплечее море.

Ветер! Волною завесь
Лодку! Вали ее на бок!
Кира, ты слышишь, я весь
Снова у губ твоих слабых?

Татарка моя! У тебя
Вишня запуталась в челке.
Мы уплываем, гребя,
Веслами раздробя
Эту луну на осколки.

V

Так же звезды барахтались в озере,
Был и месяц — такой же точь в точь.
Разметала последние козыри
Перед нами любовная ночь.

Если б знать, что дано нам выгореть,
Что любовь уплывет на плоту,
Что у дома простая изгородь
Проведет между нами черту.

Что дорога разлук неминуема,
Что она уже рядом легла.
Я убил бы тебя поцелуями,
Я бы сжег наше детство до тла.

VI

Я уже по-иному слышу,
По-иному глаза сильны.
Это ночь раскроила крышу
Оловянным кастетом луны.

... А, быть может, ты рядом, Лида?
Из окна мне записку брось.
Мы, как линии у Эвклида,
Параллельные, вечно врозь...

Беспорядок мыслей бессонных,
Нет с ночами лунными сладу.
... Все гуляет береза в калльсонах
Как сумасшедший по саду.

Розу в волосы заколите.
Веер китайский подвесьте к руке.
Вам бы где-нибудь на Гаити
Плясать на столе в ночном кабаке.

Только там, у дубовой стойки,
Где гавайской гитары стонет струна.
Всем неудачникам все неустойки
Счастье выплачивает сполна.

Спичка — девочке с косичками,
Спичка — женщине шальной.
Сердце — коробок со спичками —
Разошелся по одной.

Израсходовался дочиста,
Разлетелся задарма.
Так, что если очень хочется,
Разжигай меня сама.

Все мудро устроено в мире, —
И то, что замужем ты,
И то, что в твоей квартире
Стоят на столе цветы.

И то, что, придя с работы,
Твой муж находит уют,
И то, что эти заботы
Встречаться нам не дают.

Но если при редкой встрече
Ты мне кивнешь на ходу,
Я эти глаза и плечи
В глубокую память кладу.

Я счастлив. И нет мне дела,
Что меж нами преграды одни...
Как бы ты мне надоела,
Если бы не они!

Ты разгребаешь пальцами тоску
И, наконец, разламываешь губы,
И сваливаешь грузную строку,
Как сваливают сосны лесорубы.

Не тронь ее: еще ей небо снится.
И топором не обрубай мечты!
Уже плывут куда-то по странице
Твоих стихов веселые плоты!

Пусть критики цепляются за сучья
И где-то пишут умные слова!
Есть у поэтов глупые созвучья,
Которым все на свете — трын-трава!

Пусть ополчатся на твои стихи!
Их ремесло — пилить пилой тупую
За то, что не нанялся в пастухи,
Которые их гонят к водопою.

Будет холод в забытой квартире:
Будут лаять дворовые псы.
Кто-то бросит последние гири
На мои золотые весы.

И о землю ударится чашка,
Утомленная чашка весов.
И меня молчаливо и тяжело
Перекроет могильный засов.

И подыметя чашка вторая,
Всю земную прорвав шелуху.
Я не знаю, дойдет ли до рая,
Только знаю, что будет вверху.

ОГЛАВЛЕНИЕ

1. Тупик. И выход ни один	7
2. Ты, мое столетие	8
3. Над ветлами, над пулями	10
4. Пока не заткнули кляпом	12
5. Звезды	14
6. Спят на фасаде даты	19
7. Кто нам солгал	22
8. Строили да рухнуло	23
9. Я проходил по улицам чужим	24
10. Родина! Мы виделись так мало	25
11. От полустанка до полустанка	26
12. По стенам комнатухи разбросаны	27
13. Снова Муза моя взаперти	28
14. Уже закаты прикипают к кленам	29
15. Еле виднеется	31
16. Не страшен эшафот	32
17. Луны	33
18. Розу в волосы заколите	42
19. Спичка — девочке с косичками	43
20. Все мудро устроено в мире	44
21. Ты разгребаешь пальцами тоску	45
22. Будет холод в забытой квартире	46